

Просмотрев записи с камер наблюдения на вилле, Сян Чэнсинь обнаружил, что в его отсутствие его маленький питомец жил куда более комфортно и беззаботно, чем он ожидал. Это почему-то вызвало у него лёгкое раздражение. Раньше его питомец всегда старался угодить ему, но теперь было видно, что тот больше не думал о нём. Теперь он явно занимался своими делами, находил удовольствие в них и наслаждался своими достижениями.

Сян Чэнсинь с усмешкой подумал, что, возможно, питомец, который потерял свою «сознательность», ему больше не нужен. Поэтому он решил, что сегодня же вечером выгонит его. Раз уж он сам потерял интерес, а питомец стал таким беспечным, зачем оставлять его наслаждаться жизнью на его вилле?

Конечно, Сян Чэнсинь ни за что не признался бы, что это решение было вызвано утренней встречей с Сян Чэнпэем и Сян Чэньци, а также недавним приказом отца, который напомнил, что день рождения «мамы» уже близко, и он должен вернуться домой на ужин. Он абсолютно отрицал, что идея выгнать питомца возникла после того, как он увидел, как эти двое живут в его доме, наслаждаясь жизнью и выглядя совершенно счастливыми. Он просто устал. Так Сян Чэнсинь убеждал себя.

Цай Чжююань услышал звуки из кухни. Было уже шесть тридцать вечера, и, поскольку ему больше нечем было заняться, он медленно направился туда. Увидев действия Цай Миншаня, он спросил:

— Что за шум? Миншань, ты готовишь фаршированную горькую тыкву или тофу?

— Готовлю фаршированную горькую тыкву. Папа, до ужина ещё есть время, можешь посидеть в гостиной. Я сам справлюсь, — ответил Цай Миншань, не прекращая рубить мясо.

— Хорошо. Тогда я подожду, — с удовлетворением произнёс Цай Чжююань и вышел.

Его сын теперь готовил с уверенностью, и он не мог не радоваться этому.

Сян Чэнсинь подумал:

«Хм. Питомец уже надоел. Может, вернуться пораньше и поужинать тем, что он приготовил?»

Он чувствовал, что сегодня ему слишком скучно, раз он снова заглянул в записи с камер на виллу. Затем, увидев, как питомец тщательно обрабатывает ингредиенты, он понял, что не нужно беспокоиться о том, где поужинать.

Однако к несчастью, на парковке он снова столкнулся с одним наивным человеком. Тот, увидев его, тут же закричал:

— Старший брат, ты закончил работу? Поехали домой вместе.

Сян Чэнсинь посмотрел на него и, не желая тратить время на разговоры, просто сел в свою машину и уехал.

...

Сян Чэнпэй, увидев, как чёрный автомобиль трогается с места, поспешно сел в свою машину и последовал за ним. К сожалению, он быстро разочаровался: машина ехала не домой, а, судя по всему, возвращалась на виллу. Там, как говорили, жил какой-то странный человек. Подумав об этом, Сян Чэнпэй больше не стал преследовать его и, раздражённый, развернулся домой.

— Вот и томатный суп с тофу готов. Сегодняшний ужин полностью готов: фаршированная горькая тыква, жареный кайлан. Папа, давай начнём.

Цай Миншань взял палочки и уже собирался взять кусочек фаршированной тыквы, как вдруг его прервал голос.

— О, кажется, я вернулся как раз вовремя. Давайте поужинаем вместе, — сказал Сян Чэнсинь, словно не замечая неловкости двух сидящих за столом людей, и сел рядом.

Цай Миншань и Цай Чжююань замерли на мгновение, пока Сян Чэнсинь не взял чашку Цай Миншаня и поставил перед собой. Цай Чжююань, немного озадаченный, встал и неловко замер рядом. Ведь он не был членом этой семьи, он был всего лишь поваром, а Сян Чэнсинь — настоящим хозяином.

Цай Миншань, глядя на свою чашку, которую забрал Сян Чэнсинь, не почувствовал ничего особенного. Даже его прежнее сильное отвращение к этому человеку исчезло. Конечно, это не означало, что он был рад его возвращению, просто он считал, что такие поступки вполне в стиле Сян Чэнсиня. Кроме того, Цай Миншань уже почти месяц не видел его и почти забыл, что находится на его содержании. Можно сказать, что он жил спокойно, не видя его, но теперь, когда тот внезапно вернулся, он немного опешил.

Сян Чэнсинь, видя реакцию Цай Чжююаня и Цай Миншаня, почувствовал себя немного лучше. Поэтому он лишь мельком взглянул на Цай Чжююаня и небрежно сказал:

— Дядя Цай, зачем ты встал? Садись и ешь с нами.

Цай Чжююань удивился. За всё время его пребывания здесь это был первый раз, когда Сян Чэнсинь пригласил его поужинать вместе. Хотя он не понимал причин, но раз уж это была еда, приготовленная Цай Миншанем для них обоих, то он не мог отказаться. Поэтому он кивнул:

— Хорошо, я схожу на кухню за палочками.

Вскоре Цай Чжююань вернулся с палочками, и все трое начали ужинать в полной тишине. По крайней мере, по сравнению с обычной гармоничной атмосферой между Цай Миншанем и Цай Чжююанем, это было довольно напряжённо. Ведь присутствие Сян Чэнсиня, хозяина и постороннего человека, не позволяло им свободно общаться за столом. Особенно когда сам Сян Чэнсинь не произнёс ни слова, они тоже не решались заговорить. К счастью, Сян Чэнсинь, съев одну порцию, ушёл.

Цай Миншань и Цай Чжююань, глядя на удаляющуюся фигуру Сян Чэнсиня, обменялись взглядами и немного расслабились. Однако Цай Чжююань, в отличие от обычных дней, не стал указывать на ошибки в приготовлении Цай Миншаня или давать советы. После ужина он просто убрал всё и ушёл, ведь, как бы комфортно они ни жили, это не был их дом.

Пока Цай Миншань раздумывал, как ему вести себя сегодня вечером с человеком, который его содержал, он, немного помедлив, вернулся в свою комнату и обнаружил, что там никого нет! Затем он осторожно заглянул в ванную и убедился, что Сян Чэнсинь действительно ушёл. Видимо, ему стало скучно!

Хотя Цай Миншань был удивлён, он почувствовал огромное облегчение. Но если подумать, то возвращение Сян Чэнсиня на ужин и его приглашение Цай Чжююаню сесть за стол были довольно странными. А его ранний уход не вызывал особых вопросов. Поэтому Цай Миншань в итоге лег спать с лёгким сердцем.

Что же касается Сян Чэнсиня, то он, конечно же, после нескольких звонков от отца, который не верил его отговоркам, сказал, что находится с друзьями в клубе и не вернётся. Отец не поверил ему и даже спросил, с кем именно он. В конце концов, не желая продолжать разговор, Сян Чэнсинь просто пошёл развлекаться в клуб «Облака». Что касается отца, он был уверен, что тот сможет узнать о его местоположении, если захочет.

— Вы можете взять карты и уйти, — с пренебрежением сказал Сян Хунцзюнь, глядя на Цай Миншаня и Цай Чжююаня.

— Но...

— Разве денег на этих картах недостаточно, чтобы вы уехали подальше?! — крикнул Сян Чэнпэй, стоящий за Сян Хунцзюнем, перебивая попытку Цай Чжююаня возразить.

Цай Чжююань, глядя на отца и сына, с обидой подумал: «Я просто хотел сказать, что без разрешения старшего брата мы не можем уйти. Ведь если мы уйдём, нас могут вернуть!» Но, увидев их выражения лиц, он не осмелился сказать это вслух.

Однако Цай Миншань увидел в этом возможность и, глядя на них, спокойно сказал:

— Мы можем уйти, но вы должны гарантировать, что старший брат не вернёт нас обратно. Ведь...

— Ты... — начал Сян Чэнпэй.

Он хотел сказать: «Кто ты такой, чтобы думать, что тебя кто-то вернёт?» Но Сян Хунцзюнь остановил его взглядом и, глядя на Цай Миншаня, сказал:

— Я уверен, что денег на этих картах достаточно, чтобы вы уехали в такое место, где вас никто не найдёт.

Что касается прежнего решения не брать деньги, теперь, похоже, придётся его пересмотреть. В конце концов, иногда деньги действительно могут быть полезны. Хотя он не понимал, почему эта пара появилась здесь, но раз уж можно получить деньги, почему бы не взять их? Ведь разве не старший брат содержал его?

Если уж он был на содержании, то эти деньги можно считать платой за то, чтобы избежать Сян Чэнсиня. В конце концов, хотя деньги и не всемогущи, они являются пропуском в обществе. Поняв это, Цай Миншань и Цай Чжююань обменялись взглядами и кивнули:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/16454/1492758>